

Вив доводилось слышать истории о привидениях. А кто их не слышал? Ей и в голову не могло прийти, что она будет стоять вот так, схватившись за сетчатое ограждение и сражаясь с подкатившей тошнотой, сжимать кулаки, пока костяшки не побелеют, в то время как за ее спиной кто-то ходит. Безумие какое-то. Одна из тех историй, что много лет спустя после пережитого рассказывают люди, а их собеседники закатывают глаза, потому что им невдомек, каково это — чувствовать подобный ужас собственным затылком.

В следующее мгновение вывеска мотеля позади Вив погасла. Лампочки испустили печальное шипение, и яркие огни потухли. Девушка оглянулась: буквы в названии «Вечерней зари» уже не светились; висевшие под ним слова «кабельное ТВ!» и «свободные номера» подмигнули в последний раз и тоже погасли. Вив направилась к вывеске, даже толком не понимая, что делает; в груди у нее поднималась паника. Она не знала, где включалось электричество и мог ли кто-то отключить его специально. За время работы в мотеле ей ни разу не приходилось самой включать или отключать вывеску: первое было задачей вечерних дежурных, второе — утренних. От внезапного исчезновения яркого, хотя и неказистого источника света Вив опомнилась как от сигнала тревоги.

Она завернула за угол и, вскрикнув от неожиданности, остановилась: свет в окнах номеров тоже начал гаснуть. В торце короткого ребра буквы *L*, рядом с номерами 130 и 230, располагавшимися один над другим, погасли уличные лампочки. Лампочки при входе в номера 129 и 229 то и дело мигали. Казалось, кто-то последовательно нажимает на выключатели, намереваясь полностью погрузить мотель в темноту.

Вив замерла, не в силах ничего предпринять, и лишь с ужасом наблюдала, как в «Вечерней заре»

пропадает свет. Последним погасло окно офиса на конце длинного ребра буквы L, а вместе с ним и неоновая дверная табличка с надписью «Служебный вход». Перед стоявшей на обочине девушкой словно образовалась черная дыра, из которой не исходило ни малейшего звука — даже шагов, — а вокруг на много миль не было ни единой живой души.

Она хватала охрипшим горлом воздух. Что происходит? Мозг Вив немедленно отринул простые и логичные объяснения, предполагавшие технические неполадки или сбой в подаче электричества; времени было три часа ночи, на Шестой магистрали по-прежнему горели натриевые огни, а она только что слышала за спиной шаги таинственного курильщика. И дело, конечно, было не в проводке — более того, девушка нутром чуяла, что все это только начало.

Потом из мотеля донеслись глухие стуки. Стук. Стук. Вглядевшись в темноту, Вив увидела, как распахивается дверь в один из номеров, затем другая. Они открывались сами по себе, и за ними зияла чернота, манившая девушку внутрь. Зайди сюда. Или сюда. Или сюда...

В панике Вив устремила взгляд на свою машину. Может, прыгнуть за руль и доехать до ближайшего таксофона? Но куда звонить? Наверное, лучше в полицию. Или можно засесть в какой-нибудь круглосуточной закусочной и дожидаться, пока все это закончится. Загвоздка в том, что сумочку с ключами от машины она оставила на ресепшене.

Прохладный ветерок пошевелил ей волосы, и девушка поежилась. Теперь двери не хлопали и не открывались; внутри все стихло. С магистрали у нее за спиной тоже не доносилось ни звука.

Ну давай же. Ты сможешь. Просто подойди к двери и толкни ее. Сумочка лежит под стойкой, рядом со

стулом. От двери там четыре шага, а потом нужно только наклониться, забрать свои вещи, развернуться и уйти.

Усилием воли она заставила себя сдвинуться с места. Под ногами у нее шуршал гравий, и вскоре Вив заметила, что стала неосознанно задира́ть пятки повыше, чтобы не шуршать так громко. Словно, что бы там ни пряталось в темноте, она сумеет его обмануть. Словно это что-то еще не догадывается о ее существовании.

Но ближе к офису Вив все равно перешла на бег, стараясь не слишком топотать. Всех дел — туда и обратно. Много времени на это не нужно. А потом...

Она зацепилась мыском о бордю́р пешеходной дорожки, и над головой у нее что-то грохнуло: это дверь в один из номеров распахнулась настежь и шарахнула по стене. Вив подскочила, издав гортанный звук, а потом на верхней террасе отрывистым стаккато забарабанили шаги: кто-то решительно убежал. Добравшись до короткого ребра буквы L, убежавший спустился на первый этаж и повернул за угол. Ночной воздух пронзил крик — явно детский: «Хочу в бассейн!»

Вив повернула ручку входной двери и нырнула в темноту. Спотыкаясь и шумно хватая ртом воздух, она нагнулась под стойку, где лежала ее сумочка, и нащупала внутри ключи. Она ощутила резь в глазах и через мгновение поняла, что всему причиной сигаретный дым: теперь он висел такой плотной пеленой, будто кто-то курил прямо здесь несколько часов подряд.

Едва нащупав во мраке сумочку, она вцепилась пальцами в темно-фиолетовый ко́жзам и ту же минуту услышала крик. По другую сторону ресепшена мужской голос прямо-таки взвыл.

— Ради бога, вызовите скорую! — Слова прозвучали так близко, словно он кричал ей на ухо. — Кто-нибудь, вызовите скорую!

Вив уронила сумочку, и оттуда со звоном вывалились ключи. Сделав еще один резкий вдох, она подхватила связку, вскочила на ноги и понеслась к двери. Добежав до своего «кавалера», кое-как повернула в замке ключ и быстро забралась в салон. Потом швырнула сумочку на пассажирское сиденье и захлопнула за собой дверь.

Взглянув через лобовое стекло на мотель — по-прежнему обесточенный, — она вставила ключ в замок зажигания, повернула его и вдавила в пол педаль сцепления. Машина не завелась. Вив снова нажала на газ, снова повернула ключ, чувствуя, как из горла рвется панический крик, а по щекам бегут слезы. Опять ничего.

Она подняла глаза и увидела снаружи фигуру женщины. Молодая, лет тридцати, с темно-русыми кудрями, откинутыми со лба и ниспадавшими ей на ключицы; на безупречном овале лица выделялись большие темные глаза. Восприятие Вив обострилось настолько, что она сумела разглядеть женщину во всех подробностях: тонкие плечи, платье с длинным рукавом и большими пурпурными цветами, поясок на талии, завязанный бантом. Она смотрела на Вив сквозь лобовое стекло, и ее глаза... ее глаза...

Вив хотела было закричать, но словно окаменела. Из рта не вырвалось ни звука. Она судорожно вдохнула и с минуту таращилась на незнакомку — глаза в глаза.

Она не могла быть реальной — но Вив же ее видела. Смотрела на нее. Женщина тоже на нее смотрела, и в этом взгляде пылало что-то дьявольское, отчего Вив стало жутко, и больно, и тошно — все вместе.

Она вцепилась в руль, чувствуя, что ее сейчас вырвет.

Внезапно раздался грохот: это женщина принялась барабанить ладонями по капоту. Звук был самым настоящим, очень настойчивым, полным ярости. Но тут незнакомка обхватила себя руками за плечи и пристально уставилась на Вив сквозь лобовое стекло. Ее губы шевелились. Вив не расслышала голоса — возможно, женщина и не издала ни звука. Но разобрать единственное слово, что она повторяла, оказалось совсем не трудно.

Беги!

Захлебнувшись собственным воплем, она вновь попыталась завести мотор. И вновь безуспешно. Раз за разом Вив поворачивала ключ и давила на сцепление; по щекам у нее бежали слезы, из груди рвался отчаянный крик. Когда она наконец снова решила поднять глаза, женщины снаружи уже не было; в мотеле было по-прежнему черным-черно, а ночь вокруг казалась еще темнее.

Видимо, двигатель залило бензином. Значит, машина не заведется. Идти Вив было некуда.

Заблокировав двери, она перебралась на заднее сиденье и свернулась калачиком, чтобы больше не видеть, что происходит за стеклом. Слово, если она не будет смотреть, с ней точно ничего не случится. В этой позе она провела целую вечность.

Когда свет в мотеле наконец зажегся и вывеска вновь засияла голубым и желтым, Вив все еще плакала.

ФЕЛЛ, НЬЮ-ЙОРК

Ноябрь 2017

КАРЛИ

Даже после всех своих изысканий я не вполне понимала, чего ожидать от «Вечерней зари». В Гугле нашлась фотография: мотель выглядел как самая обыкновенная захолустная ночлежка: вывеска, номера в ряд. Было предельно ясно, что ореол значительности этому месту придавали семейная история и моя странная фиксация на ней. Но случайному прохожему — по крайней мере, так я думала вначале — место показалось бы вполне заурядным.

Но в мотеле «Вечерняя заря» не было ничего заурядного.

Ступив на гравийную дорожку, я осмотрелась. Здание в форме буквы *L*, двери номеров выходят на пешеходную дорожку под открытым небом. Уже совсем стемнело, и желто-голубая вывеска зазывно помигивала: «КАБЕЛЬНОЕ ТВ! СВОБОДНЫЕ НОМЕРА!» На парковке стояла одна-единственная машина, ста-

ренькая «тойота терцел», припаркованная в дальнем углу. Других автомобилей перед мотелем не было — вообще ни малейшего признака жизни.

Хизер вылезла из машины вслед за мной, и некоторое время мы просто стояли вдвоем в полной тишине. На дороге за нашими спинами не было никакого движения. Позади мотеля виднелись деревья во мраке, высоко в небе сиял полумесяц. Застегнув молнию до самого горла, я разглядывала это место, не в силах даже пошевелиться. Вдоль пешеходной дорожки шел ряд фонарей, излучавших таинственный свет; в окнах номеров отражалась только пустота. Очевидно, это здание когда-то строили, чтобы принимать временных гостей, но теперь в нем ощущалось такое пронзительное одиночество, что на мгновение мне почудилось, что я стою на кладбище. Или посреди какого-нибудь безлюдного исландского пейзажа.

Судя по молчанию стоявшей рядом Хизер, она чувствовала нечто подобное. Свое пончо она оставила дома и надела вместо него черный пуховик, больше напоминавший парку. Моя соседка по квартире все время мерзла.

— И совсем даже не страшно, — негромко заметила Хизер. — Ни чуточки.

Я нашла взглядом входную дверь, за которой горел свет. Теоретически, кто-то должен был там находиться, но, похоже, мне не очень-то и хотелось это проверять.

— Давай осмотримся, — предложила я.

Мы обошли здание кругом, попутно разглядывая закрытые двери в номера и крытые переходы. Последние оказались совсем старыми, а на дверях по-прежнему были ручки с замочными скважинами; за прошедшие тридцать лет мотель практически

не изменился. Позади здания обнаружился пустой бассейн, обтянутый по периметру ветхой сеткой. Здесь было темнее, чем с противоположной стороны, но даже без дополнительного освещения я могла с уверенностью сказать, что бассейн простоял оголожденным уже не один сезон. Бетонные края потрескались и раскрошились, а внутри скопились сухие листья и грязь. Нет, этот бассейн уже лет десять как закрыт и вряд ли теперь когда-нибудь откроется. Я попыталась совладать с ужасом, унять мурашки, ползшие по позвоночнику, и практически заставила себя переключиться на Вив.

Если бы ты и впрямь собралась исчезнуть, то куда бы ты пошла?

Самый очевидный ответ — шоссе. Вив оставила машину на парковке, но, возможно, кто-то просто затолкал ее в свою машину и уехал. Если так оно и было, то передо мной вставал целый ряд вопросов. Как именно неизвестный преступник это провернул? Была ли Вив в тот момент без сознания? В газетах ничего не говорилось о следах крови или борьбы. Может, ее каким-то образом выманили из мотеля? Под предлогом какой-то неотложной ситуации или срочной помощи, которую могла оказать только она? А если так, то планировал ли незнакомец похитить именно Вив или же сделал это по внезапному наитию?

Отойдя от бассейна, я побрела назад к парадной стороне мотеля. Жаль, что я не приехала сюда днем — могла бы более внимательно осмотреть территорию. Скорее всего, днем это место не произвело бы на меня такого странного и жуткого впечатления.

На самом деле мне повезло, что «Вечерняя заря» почти не изменилась с 1982 года. Если бы мотель снесли и застроили здесь все гигантскими коробками торговых центров, я бы не смогла отследить возможный

маршрут передвижений Вив. Может, она не уезжала на машине? Может, убежала?

— Хизер? — позвала я. — А что здесь в окрестностях? Если бы кто-то попытался уйти пешком.

— Дай подумать. — Хизер, оказывается, все это время шла позади меня не отставая. — По-моему, одни леса. Чуть подальше за мотелем, кажется, есть ферма. Но нужно пройти много миль, прежде чем до чего-нибудь добраться.

— А если идти по дороге?

— Если в ту сторону, — Хизер махнула рукой, указывая направление, — то там заправка. Но, опять же, идти надо около мили. Плюс я не уверена, что в восемьдесят втором заправку уже открыли. А там, — теперь Хизер кивнула в сторону Фелла, откуда мы только что приехали, — не доезжая двух миль до Куперсвилла, будет съезд, а за ним несколько старых домов и супермаркет на окраине города.

— Интересно, а можно где-то раздобыть карту восьмьдесят второго года?

— Наверное, в городской библиотеке, — предположила Хизер, а потом вдруг добавила: — В том бассейне, кстати, кто-то умер.

Я резко развернулась к ней:

— Что?

— Ну а что. — Ее бледные щеки покраснелись от прохладного ветра, светлые волосы растрепались под заколкой. — Сама подумай, Карли. Готова поспорить на тысячу долларов. Кто-то умер, а потом они вычистили бассейн и огородили его сеткой, чтобы никто туда больше не спускался.

Я сжала губы и задумалась:

— Может, они огородили его потому, что не хотели пускать туда посетителей? В смысле, вообще никого.

— Ну да, конечно, — тут же парировала Хизер. — У них потому и посетителей нет, что в бассейне кто-то умер!

Я открыла было рот, чтобы возразить, но в этот самый момент откуда-то сзади раздался голос:

— Эй! Вам чем-нибудь помочь?

Мы как по команде развернулись и увидели возле входной двери мужчину. Он наблюдал за нами, но ближе не подходил, даже не шагнул на тротуар, тянувшийся вдоль здания. На мужчину сзади падал свет, поэтому разглядеть мы смогли только его фигуру: высокий, мускулистый и, кажется, совсем не старый.

— Простите! — крикнула я. — Мы просто гуляем! Мужчина тревожно переступил с ноги на ногу.

— Это не самая лучшая идея, — сказал он. — К старому бассейну ходить не разрешается.

— Ясно, — ответила я, стараясь сохранять дружелюбие.

Затем шагнула к нему навстречу, и Хизер двинулась следом.

Подойдя ближе, мы разглядели его получше: около тридцати, на голове — короткий темный ежик. Одет в белую футболку, фирменный жилет из полиэстра и темные брюки. На жилете слева виднелась желтая надпись: «Вечерняя заря».

— Вам нужен номер? — спросил мужчина.

— Нет, — ответила я. — Извините, нам просто было любопытно.

Ответ явно его озадачил:

— Любопытно что?

— Мне нравятся старые мотели, — объявила я с чувством. — Такие, знаете, середины века. По-моему, они прикольные. Это что-то вроде хобби.